

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

ИСТОРИЧЕСКИЙ
РОМАН

Чувства героев накаляются
до предела. Он решил ни за
что не покоряться
страсти. Она намерена
любить его в себя.

amazon.com

Луиза Аллен
**ПОКОРИСЬ
СТРАСТИ**

Луиза Аллен

Покорись страсти

«Центрполиграф»

Аллен Л.

Покорись страсти / Л. Аллен — «Центрполиграф»,

После смерти отца на долю мисс Клеменс Рейвенхерст выпали нелегкие испытания. Ближайшие родственники решили прибрать к рукам наследство Клеменс, принуждая ее выйти замуж за кузена Льюиса Нейсмита, отъявленного негодяя. Девушка предпочла бы умереть, чем согласиться на этот брак. Переодевшись юношей, Клеменс убежала из дома. Волей случая она оказалась на корабле пиратов в качестве слуги штурмана Натана Станье. Этот смелый человек взял ее под свою защиту и опеку. Но можно ли доверять члену шайки отчаянных головорезов?

© Аллен Л.

© Центрполиграф

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Луиза Аллен

Покорись страсти

Глава 1

Ямайка, июнь 1817

Да я скорее...

– Скорее – что? – Дядя презрительно посмотрел на Клеменс. – Умрешь?

– Скорее выйду замуж за первого встречного, чем *это*. – Клеменс мотнула головой в сторону своего кузена, сидевшего у окна. Его внимание было приковано к служанкам, суетившимся на залитом светом факелов дворе.

– У тебя нет выбора, – неумолимо и спокойно сказал Джошуа Нейсмит. Таким тоном он говорил с ней уже шесть месяцев, со дня смерти ее отца. – Я – твой опекун, и тебе придется меня слушаться.

– Мой отец никогда не хотел, чтобы я вышла за Льюиса, – запротестовала Клеменс с нарастающим отчаянием.

Это отчаяние не покидало ее с того самого дня, когда, оправившись от горя, она вдруг поняла, что сводный брат ее покойной матери совсем не такой опекун, каким ожидал видеть его отец Клеменс, составляя завещание. Ее почтенный, уважаемый и слегка занудливый дядюшка Джошуа оказался настоящим хищником, жаждавшим запустить когти в состояние Клеменс.

– Намерения почившего и горячо оплакиваемого всеми нами лорда Клемента Рейвенхерста, – сказал мистер Нейсмит, – не имеют для меня никакого значения. Самое главное – это то, что, согласно его завещанию, ты теперь в моей власти. Полагаю, это в достаточной мере вознаградит меня за все те годы, что я принужден был выслушивать его идиотские политические суждения и нелепые социальные теории.

– Мой отец был против рабства, – ответила Клеменс, чувствуя, как в ней нарастает гнев. – И большинство просвещенных людей думают так же. Вас никто не заставлял слушать то, во что вы не верили... Вы могли спорить с ним, пытаться опровергнуть его суждения. Но для этого нужен интеллект и принципиальность, а у вас их, видимо, нет, не так ли, дядюшка?

– Высокомерная стерва. – Льюис вскочил с дивана и подошел к отцу. Нахмурясь, он смотрел на Клеменс. Она часто видела, как кузен, стоя перед зеркалом, придавал своему лицу это хмурое выражение. Видимо, считал, что оно облагораживает его невзрачное лицо. – Жаль, что ты не мальчишка... Твой отец не уделял должного внимания твоему воспитанию... И посмотри, на кого ты похожа – на настоящего сорванца.

Клеменс почувствовала, как щеки заливают румянец, слова Льюиса больно ужалили ее. О соблазнительных формах она и не мечтала, но несколько месяцев назад у нее наконец появилась небольшая грудь и бедра чуть округлились. Правда, теперь аппетит у Клеменс был как у мыши, и она так похудела, что на вид ей снова можно было дать лет двенадцать. Клеменс прекрасно понимала, что с учетом высокого роста, унаследованного от отца, она теперь выглядела как мальчик-подросток, обряженный в женское платье.

Словно защищаясь, Клеменс подняла руку и коснулась волос, уложенных в простую прическу. Эти гладкие шелковистые волосы цвета золотистого меда были единственным ее украшением.

– Если бы я была мальчиком, мне не пришлось бы слушать, как вы строите отвратительные планы относительно моего замужества, – резко сказала девушка. – Впрочем, кем бы я ни

была – мальчиком или девочкой, вы все равно наложили бы лапу на мое наследство, я в этом не сомневаюсь. Неужели деньги – это единственное, что вас волнует?

– Мы – купцы. – Лицо дяди Джошуа побагровело от едва сдерживаемого гнева. – Мы делаем деньги, в отличие от твоих аристократических родственников, которые палец о палец не ударили, чтобы заработать хотя бы грош.

– Папа был младшим сыном в семье, он сам составил себе состояние...

– О да, младший сын герцога Эллингтонского. В какой нищете он, должно быть, рос и какие страдания претерпел.

В запасе у Клеменс была еще одна карта, которую она пока еще не разыграла. Теперь, подумала девушка, самое время пустить ее в ход.

– Мои английские родственники очень влиятельные люди, – сказала она, – вы же не хотите враждовать с ними?

– Отсюда до Англии путь неблизкий, и тут, в Вест-Индии, они никакого влияния не имеют, – самоуверенно парировал Джошуа. – Здесь последнее слово за губернатором и банкирами. В скором времени Льюис, возможно, решит перебраться в Англию, вот тогда ваш брак сослужит ему хорошую службу.

– Поскольку я не имею намерения выходить замуж за кузена, никакой выгоды он не получит.

– Ты станешь моей женой. – Льюис подскочил к девушке, схватил за руку и повернул к себе.

Глядя ему в глаза, Клеменс старалась не морщиться от боли, хотя сильные пальцы Льюиса все сильнее впивались в ее запястье.

– О свадьбе будет объявлено в ближайшее воскресенье.

– Я никогда не соглашусь на это, ты же не потащишь меня к алтарю силой? Подумай о том, что скажут люди.

Клеменс старалась говорить уверенно. Девятнадцать лет она жила в мире и спокойствии, окруженная отцовской любовью, а теперь лицом к лицу столкнулась с предательством и жадностью. Клеменс приходилось нелегко, но гордость и отчаяние придавали ей сил.

– Это верно.

Девушка удивленно посмотрела на дядю, он улыбался, и голос его звучал спокойно и уверенно. Клеменс поняла, что Джошуа предусмотрел и такую возможность, и потому ее отказ ничуть не смутил его.

– У тебя два выхода, моя дорогая племянница. Ты можешь вести себя прилично и добровольно пойти под венец с моим сыном, или он каждую ночь будет приходить в твою комнату, пока не сделает тебе ребенка, и тогда тебе уже не отвертеться от этого брака.

– А если я и в этом случае не соглашусь? – спросила Клеменс, испытывая тошнотворное чувство страха.

– На островах большой спрос на здоровых младенцев, – улыбнулся Льюис и привалился к столу. – Будем продолжать до тех пор, пока ты не одумаешься.

– Ты... – Клеменс задохнулась от гнева. – Ты продашь *своего ребенка* в рабство?

Льюис пожал плечами:

– Какая польза от незаконнорожденного ублюдка? Выходи за меня замуж, и твои дети ни в чем не будут нуждаться. Откажешься – и их страдания будут на твоей совести.

– Моим детям нужен порядочный отец, – резко сказала Клеменс, стараясь не выдать страха. – Ты – насильник и шантажист, а вы... – девушка повернулась к дяде, – вы не лучше. Я никогда не поверю, чтобы ваш сын придумал все это сам.

Несмотря на свое отношение к племяннице, Джошуа прежде никогда не делал попыток ударить ее, за всю жизнь никто никогда не бил Клеменс. И потому, увидев, как дядя занес

руку, она решила, что он хочет просто напугать ее. Она поняла, что ошибается, когда его кулак обрушился на ее лицо. Пошатнувшись, Клеменс ударилась об стол и упала на пол.

Через несколько мгновений, придя в себя, она попыталась встать. Ноги не держали ее, лицо Джошуа Нейсмита расплывалось, словно девушка смотрела на него с другого конца подозрительной трубы, а его голос доносился откуда-то издалека:

– Ты выйдешь замуж за моего сына?

– Нет.

Никогда.

– Тогда я запру тебя в твоей комнате. Тебе будут приносить еду, и ты будешь съедать все до последней крошки, твоя тощая фигура оскорбляет мой взор. Завтра Льюис навестит тебя. Думаю, что сегодня ты не в состоянии оказать ему достойный прием.

Достойный прием? Да если кузен осмелится приблизиться к ней и у нее под рукой окажется что-нибудь острое, он никогда не сможет стать отцом.

– Позовите Элизу, – прошептала Клеменс, прижимая дрожащие пальцы к ноющей щеке. – Мне нужна ее помощь.

– У тебя новая служанка. – Джошуа протянул руку и позвонил в колокольчик. – Твою девчонку я выгнал, уж больно дерзка была. Впрочем, чего еще ждать от бывшей рабыни.

В комнату вошла полногрудая женщина с кожей цвета кофе. Волосы ее были уложены в причудливую прическу. Взгляд, который она бросила на Клеменс, был полон неприязни.

– Твоя любовница? – Клеменс посмотрела на Льюиса.

Неудивительно, что в глазах Мэри Люс читалась враждебность: она, должно быть, знала о намерении Джошуа выдать Клеменс за Льюиса и ревновала.

– Она будет делать то, что ей прикажут, – спокойно ответил Льюис, – и будет должным образом вознаграждена. Отведи ее в комнату, заставь поесть, – сказал он, обращаясь к Мэри Люс, – потом запри дверь и приходи ко мне.

Клеменс позволила вывести себя из гостиной. Здесь, в длинном коридоре, окна были приоткрыты и через них доносился шум морских волн, бьющихся о берег. Едва передвигая ноги, Клеменс шла по стертым каменным плитам. С потемневших портретов, покрывавших белые стены, на нее безмолвно взирали предки. Они не в силах были помочь ей.

– Где Элиза?

Слава богу, подумала Клеменс, что ее служанка была уже свободной женщиной и Нейсмиту не могли причинить ей вреда.

Мэри Люс пожала плечами, в ее темных глазах сверкнула злоба, и она еще крепче сжала руку Клеменс.

– Понятия не имею, мне это безразлично. – Мягкий акцент смягчил грубость тона. – Зачем вы сердите мастера Льюиса? Выходите за него замуж, родите ребенка, и он оставит вас в покое.

– Мне он не нужен, в отличие от тебя, – отозвалась Клеменс.

Они приблизились к двери ее комнаты.

– Принеси мне, пожалуйста, теплой воды, я хочу умыться.

Служанка захлопнула за собой дверь, и Клеменс услышала, как в замочной скважине повернулся ключ. Шаги в коридоре стихли.

Клеменс обессиленно опустилась на стул у туалетного столика, и пальцы ее крепко сжали спинку. Она посмотрела в зеркало. На правой щеке наливался синяк, глаз припух. Завтра синяк почернеет, подумала Клеменс. От прически не осталось и следа, волосы тяжелой волной падали на плечи.

Клеменс осторожно выпрямилась и тут же поморщилась – бок болел после удара об стол. Будь у нее на костях немного жира, подумала девушка, это смягчило бы удар. Ей очень повезло, что ребра не сломаны. Она должна поесть. Голодовкой делу не поможешь, впрочем, есть ли

вообще что-то, что может помочь? Дверь распахнулась, и в комнату вошла Мэри Люс, за ней следовал слуга с подносом. Этот человек, которого Клеменс знала всю свою жизнь, бросил испуганный взгляд на ее лицо и отвернулся.

– Мистер Льюис велел вам поесть, – сказала Мэри Люс. – Я останусь здесь, пока вы все не съедите. – Она поставила на туалетный столик таз с водой.

Клеменс намочила платок и приложила к лицу, которое тут же отозвалось ноющей болью. Спасибо еще, что дядя Джошуа ударил ее не левой рукой, на которой он носил перстень.

– Хорошо.

Курица с рисом, фаршированный перец, кукурузные лепешки с сиропом, молоко. Желудок Клеменс отказывался принимать пищу, но инстинкт заставил ее приняться за еду, пусть даже жевать было больно.

Теперь девушка знала точно: она должна бороться. Дело, правда, осложнялось тем, что она была заперта в своей комнате. Когда ужин был съеден, а молоко выпито, Мэри Люс собрала посуду и удалилась. Клеменс напрягла слух – в замочной скважине заскрежетал ключ. Напрасно было бы надеяться, что служанка забудет запереть дверь.

Поев, Клеменс почувствовала себя лучше. Кажется, недели прошли с того дня, когда она в последний раз плотно ела. По мере того как дядя все больше завладевал домом, горе Клеменс, вызванное смертью отца, сменилось сначала тревогой, затем напряжением и, наконец, страхом. Вряд ли стоит ожидать помощи извне. Другьям и знакомым сказали, что Клеменс слегла, горе помутило ее рассудок и врач предписал ей абсолютный покой. Даже ближайшие подруги девушки – Кэтрин Пейдж и Лаура Стиплс – не усомнились в дядиных словах и решили не тревожить Клеменс своими визитами. Клеменс видела их письма, адресованные дяде, – они были полны сожалений по поводу болезни подруги.

Кому же она могла довериться? Прежде Клеменс доверяла Джошуа и как жестоко ошиблась в нем! Девушка встала и подошла к окну, распахнутому в теплоту ночи. Это отец хотел, чтобы дом был построен на краю утеса, как их семейный замок в Нортумберленде. В детстве, после смерти матери, Клеменс, бывало, играла с сыновьями местных плантаторов, одолжив у них одежду, носилась по тростниковым полям и пряталась в домиках на плантациях. Шокированные ее поведением местные матроны в конце концов убедили ее отца в том, что девице четырнадцати лет от роду неприлично вести подобный образ жизни. Ночным вылазкам из дома был положен конец.

Клеменс вышла на балкон, выступающий над морем. Воспоминания о беззаботном детстве вызвали улыбку на ее лице, которая тут же превратилась в гримасу – синяк на щеке напомнил о себе. Если бы она только могла сбежать сейчас из дома!

А почему бы и нет? Клеменс вздохнула. Если бы ей только удалось выбраться из дома и добежать до гавани. Там на якоре стоит «Принцесса», готовая на рассвете отплыть в Англию. «Принцесса» была самым большим из отцовских кораблей – ее кораблей – после «Герцогини», которую захватили пираты. Эта потеря вызвала у отца сердечный приступ и привела в конечном итоге к его смерти. Но если она убежит, они вышлют за ней погоню, как за какой-нибудь сбежавшей рабыней... Клеменс металась по комнате, мысли путались. Она вспомнила усмешку на дядином лице. *Ты скорее умрешь?* Вот пусть так и думает. Где-то должна быть мальчишеская одежда, которую она когда-то любила надевать. Клеменс принялась распахивать крышки сундуков, наполняя комнату ароматом сандалового дерева. Да, на дне одного из сундуков под кипой простыней лежали просторные штаны, рубашка и пояс.

Стянув платье, Клеменс надела потертый костюм. Штаны оказались коротки и теперь не доходили до лодыжек, зато рубашка все еще была в самый раз. Немного подумав, Клеменс разорвала одну из простыней на ленты и туго стянула грудь. Хотя она и так не могла похвастаться пышным бюстом, лучше было не рисковать. Вытащив из сундука туфли с пряжками,

девушка натянула их на босые ноги и посмотрелась в зеркало. Оттуда на нее смотрел долговязый юнец с гривой золотистых волос.

С этим надо было что-то делать, тут уже не до сожалений. Сжав зубы, Клеменс схватила ножницы и решительно отрезала волосы. Завернув их в тряпицу, она сунула ее в узел вместе с платьем, что было на ней в тот вечер. Потом ей вдруг пришла в голову неожиданная мысль. Достав из узла платье, Клеменс оторвала от подола тонкую полоску. Вышвырнула из окна туфли, спрятала скромные серьги и жемчужное ожерелье в шкатулку с безделушками.

В оконном стекле отражалась тощая фигурка с взлохмаченными волосами и потемневшим синяком под глазом. Клеменс почувствовала, что мысли ее прояснились, словно вместе с платьем она избавилась от страха и отчаяния. Схватив перо, девушка нацарапала на листке бумаги: «Я не в силах этого вынести...» Капля воды удачно сошла за слезу, размывшую неровную, словно выведенную дрожащей рукой подпись. Чернильница опрокинулась, покрыв туалетный столик темными брызгами. *Это и к лучшему*, подумала Клеменс, *подумают, что я была в страшном волнении*.

Она привязала к поясу узелок, потом подтащила к окну стул. Прицепила к окну полоску ткани, оторванную от подола платья, и опрокинула стул. Получилось вполне убедительно: отчаявшаяся девица прыгнула в бурное море. Как дядя Джошуа будет объяснять это ее знакомым, это Клеменс уже не трогало.

Теперь она могла только молиться, чтобы побегу плюща и шпалеры выдержали ее, как когда-то в детстве. Стараясь не смотреть вниз, девушка стала осторожно спускаться по решетке. Очень скоро она поняла, насколько это было опасно. Просто в детстве она и не думала об этом. Пять лет благопристойного поведения, приличествующего девице из хорошей семьи, и недели после смерти отца, в течение которых Клеменс чувствовала себя больной от горя и отчаяния, ослабили ее мускулы. Ужин камнем лежал в желудке, в горле пересохло. Клеменс сжала зубы, стараясь не думать о сороконожках, пауках и прочих обитателях плющевых зарослей, по которым она сейчас карабкалась. Впрочем, какими бы ядовитыми ни были эти жуки и пауки, они все же не угрожали ей изнасилованием.

У Клеменс то и дело перехватывало дыхание, но в конце концов ей удалось добраться до выступа, опоясывающего дом. Она медленно двинулась по выступу, прижимаясь к стене. Теперь ей нужно было всего лишь повернуть за угол и спрыгнуть на крышу кухонного флигеля. Оттуда легко спуститься на землю. Вдруг прямо под ее ногами распахнулось окно. Клеменс замерла.

– Сколько можно повторять тебе: я не хочу ее! – Это был Льюис, раздраженный и грубый. – Как можно испытывать хоть какое-то желание по отношению к этой костлявой вздорной стерве? Это просто сделка.

До ушей Клеменс донесся женский голос, мягкий и обольстительный. Мэри Люс. Льюис фыркнул.

– Снимай платье.

Какой галантный любовник, подумала Клеменс. Кузен оставил окно открытым, и девушка старалась двигаться с удвоенной осторожностью, чтобы шорох туфель не выдал ее. Повернув за угол, она спрыгнула на крытую пальмовыми листьями кухонную пристройку, соскользнула на землю. Старый одноглазый сторожевой пес заскулил и потянулся к Клеменс, стараясь лизнуть ей руку. Звякнула цепь. Из кухни доносились голоса, в ночи раздавались птичьи крики, стрекотали насекомые. Никто не слышал, как Клеменс выбралась за ворота, хотя их створки, давно не смазываемые, предательски скрипнули. Клеменс бросилась бежать, узелок колотился о бедро. Теперь ей нужно было как можно быстрее удалиться от дома и украсть лошадь.

Ночь была безлунной, во тьме, окутавшей гавань Кингстона, мелькали якорные огоньки. Клеменс слезла с лошади и похлопала ее по крупу. Несколько мгновений она смотрела, как животное галопом несется в сторону конюшни, откуда девушка ее вывела три часа назад.

Шагая по немощенной улице, Клеменс то и дело спотыкалась. Она старалась держаться в тени, обходя таверны и бордели, тянущиеся до самой гавани. Счастье еще, что «Принцесса» пришвартована в дальнем конце, подумала Клеменс, прячась за бочками, чтобы не привлекать к себе внимание компании, появившейся на улице.

Добравшись до гавани, девушка задумалась. Пожалуй, не стоило являться на корабль и требовать отвезти ее в Англию. Капитан Муркрофт может вернуть ее дяде Джошуа, несмотря на то что корабль, по сути, принадлежит ей. Права женщин соблюдались далеко не всегда, тем более на Ямайке в 1817 году. Ночной ветерок донес до Клеменс смешанный аромат травы, рома, дыма и лошадиного пота. Она ускорила шаг. Вот сейчас будет причал Рейвенхерстов и «Принцесса»... Причал был пуст...

Клеменс застыла на месте, не веря своим глазам. Она судорожно шарилась взглядом по темным силуэтам кораблей, пытаясь отыскать знакомую фигуру на носу. *«Принцесса» должна быть здесь!*

– Что ты ищешь, мальчуган? – раздался голос за ее спиной.

– «Принцессу», – запинаясь, ответила Клеменс, голос ее дрожал от отчаяния.

– Отплыла недавно, рано закончили погрузку. А зачем тебе «Принцесса»?

Клеменс повернулась. Она опустила голову, чтобы скрыть лицо за прядями растрепанных волос.

– Капитан Муркрофт обещал взять меня юнгой, – пробормотала она.

Перед Клеменс стояли пять мужчин, залитых светом из распахнутой двери таверны.

– Неужели? Нам тоже не помешает юнга, правда, парни? – мягко сказал тот, что стоял в центре группы.

У Клеменс от страха зашевелились волосы на затылке. Мужчины захихикали.

– Пойдем с нами, мальчуган.

– Н-нет, спасибо. – Клеменс попятилась назад.

– Нет, спасибо, капитан, – поправил ее мужчина в треуголке и сделал шаг вперед, чтобы отрезать ей отступление.

– Капитан... – покорно повторила Клеменс, – я просто...

– Пойдем с нами, – подтолкнул ее высокий мужчина.

Тот, которого он назвал капитаном, положил руку девушке на плечо. Теперь он стоял так близко, что Клеменс отчетливо видела его узкое, покрытое щетиной лицо. Костюм на нем был причудливый, старинный: широкий сюртук, великолепные кружева на шее. Глаза карие, холодные. Похож на ящерицу, подумала Клеменс.

– Как тебя зовут, мальчик?

– Клем, капитан. – Клеменс пыталась смотреть ему прямо в глаза, но не выдержала, отвела взгляд. На запястье руки, которую мужчина положил ей на плечо, кружева отвернулись, и Клеменс увидела часть татуировки – хвост и жало скорпиона, остальная часть картинки скрывалась под широким манжетом рукава. Перед глазами у девушки все поплыло.

– Пойдем с нами, Клем.

Бежать было некуда, да и рука капитана цепко держала ее за плечо. Вместе со всеми Клеменс вошла в таверну. Тамлюдно, подумала она, может быть, удастся ускользнуть.

Она знала, кто были эти люди, и предпочла бы оказаться сейчас наедине с дядей Джошуа и Льюисом, чем рядом с этими людьми. Это были пираты, а человека, что сжимал ей плечо, звали Красный Мэтью Мактирнан. Мужчины втолкнули Клеменс в залитую светом шумную таверну. Клеменс осмотрелась, пытаясь отыскать лазейку для побега. Толпа с готовностью рас-

ступалась перед Мактирнаном и его спутниками. Посетители таверны тоже не были невинными овечками, но явно предпочитали не связываться с пиратами.

– Он там, – сказал вышедший из толпы мужчина, вытер руки о грязный фартук и мотнул головой в сторону столика в дальнем углу зала.

Мужчина, сидевший за столиком, был один, несмотря на то что таверна была заполнена до отказа. Он кидал кости, внимательно следя за тем, как прыгают по столу белые кубики. Мужчина был высоким и поджарым, волосы средней длины, темные, с выгоревшими на солнце кончиками, кожа покрыта темным загаром, одежда изрядно потерта.

– Станье.

Мужчина поднял глаза, они казались необычайно синими на фоне загорелой кожи.

– Что?

– Говорят, ты ищешь место штурмана?

Человек, которого называли Станье, кивнул.

– И какой из тебя штурман?

– В этих морях я – лучший, – сказал Станье, и губы его изогнулись в улыбке. – Но ты же знаешь это, Мактирнан, иначе не пришел бы сюда.

Костлявые пальцы, вцепившиеся в плечо Клеменс, разжались. Рука Мактирнана легла на рукоятку меча, висевшего на поясе. Девушка почувствовала, как напряглись спутники капитана. Она сделала небольшой шаг назад, надеясь смешаться с толпой.

– Перед тобой капитан Мактирнан.

– Это если я соглашусь служить на твоём корабле, – отозвался Станье. – А соглашусь я, только если это того стоит.

– Ты знаешь, что я предлагаю! – рявкнул Мактирнан.

– Я хочу собственную каюту и слугу.

– Да кем ты себя считаешь? Все еще думаешь, что ты офицер его величества? Они вышвырнули тебя... Так что не корчи из себя бог знает что.

Станье улыбнулся, но глаза были холодны.

– Очень глупо с их стороны. Я – лучший штурман, которого тебе когда-либо доводилось видеть.

Сейчас. Клеменс сделала шаг назад, потом еще один, повернулась и...

– Э нет, дружок. – Мужчина в треуголке ухватил ее за руку и ударил по лицу.

Ослепленная внезапной болью, Клеменс упала. Протянув руку, она попыталась нащупать опору и наткнулась на мускулистое бедро.

– Что это у нас тут?

Она подняла лицо, стараясь сфокусировать взгляд на синих глазах, с интересом изучавших ее руку. Штурман внимательно посмотрел на тонкие пальцы девушки, испачканные чернилами.

– Ты умеешь писать?

– Да, сэр, – кивнула Клеменс, страстно желая, чтобы он не отпускал ее руку. Так она чувствовала себя в безопасности. Боже, до какого же отчаяния она дошла, если этот мужчина внушает ей чувство безопасности?

– А как насчет математики? Сложение, вычитание?

– Да, сэр. – Клеменс заставила себя посмотреть ему прямо в глаза.

– Превосходно. Тогда будешь моим слугой. – Станье поднялся и, ухватив Клеменс за воротник, поставил ее на ноги. – Какие-нибудь возражения, джентльмены?

Глава 2

– Это наш новый юнга, – сказал Натан Станье, пристально глядя на мужчину в треуголке. Это был Катлер, первый помощник капитана, человек с выцветшими голубыми глазами. Они были холодны, словно глаза барракуды. – И теперь он принадлежит мне. Я уверен, что в вашей команде найдется кто-нибудь, кто сможет подавать похлебку.

Мальчуган тихо стоял рядом. Натан чувствовал, как он дрожит – то ли от страха, то ли от боли после удара. Это был совсем еще юнец, вряд ли он догадывался, зачем понадобился на корабле. В планы Натана не входила забота обо всех беспризорных детях, шляющихся в гавани, но этот мальчик был не похож на прочих. То ли он с возрастом становится мягче, подумал Натан, то ли сказывается привычка приглядывать за юными моряками, у которых еще молоко на губах не обсохло и которые первый месяц плавания по ночам плачут в подушку и зовут мамочку. Правда, теперь это его не касается благодаря этому старому черту, лорду Филиппу.

Глаза Катлера сузились, пальцы сжали рукоятку пистолета.

– Пусть берет мальчишку, – мягко сказал Мактирнан. – Кто я такой, чтобы лишать человека удовольствия?

Тут к нему приблизился кто-то из толпы и прошептал что-то капитану на ухо.

– Отряд полиции на подходе, пора удалиться, джентльмены.

Натан положил руку на плечо мальчика.

– Даже не думай бежать, – прошептал он.

Ответа не последовало. Мальчик казался совсем юным и хрупким.

– Как тебя зовут?

– К-Клем, сэр.

Какой у него странный, тонкий голосок. То ли нервничает, то ли голос ломается.

– Сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

Скорее уж похоже на четырнадцать. Натан подозвал одного из работников таверны и бросил ему монету.

– Возьми мои сумки... и постарайся не уронить их. – Натан не хотел, чтобы его инструменты вышли из строя. – У тебя есть какие-нибудь пожитки, Клем?

Мальчик помотал головой:

– Они схватили меня там, на улице.

Значит, у мальчугана наверняка есть родители, которые ломают голову, пытаясь понять, куда запропастился их сын. Натан мысленно пожал плечами... В конце концов, участь юнги ничуть не хуже вербовки на военную службу. К тому же ему есть о чем беспокоиться и помимо этого тощего юнца.

Мальчик проворно забрался в лодку и уселся на носу, крепко обхватив себя руками, словно ему было холодно. Гребцы опустили весла, и лодка ринулась вперед, уверенно маневрируя в лабиринте пришвартованных кораблей.

Натан должен был бы давно догадаться, что Мактирнан оставил свой корабль у отмели, близ руин печально известного Порт-Рояля. Развалины – вот все, что осталось от знаменитой пиратской крепости после ста лет землетрясений, ураганов и пожаров, но Мактирнан и его команда нашли приют в крошечных хижинах, теснившихся на берегу.

«Морской скорпион» оказался таким, каким Натан и представлял его себе: с полным парусным вооружением, размером с фрегат, прочный и ходкий. Подтолкнув мальчика к веревочной лестнице, Натан поднялся следом.

– Это еще что?

Коренастый мужчина всматривался в Натана, держа в руке фонарь. Судя по всему, это был боцман.

– Мистер Станье, наш новый штурман и его мальчик, – мягко сказал Мактирнан. – Выделите ему гостевую каюту, раз сейчас у нас нет гостей.

– Что он имеет в виду под «гостевой» каютой? – прошептал Клем, услышав сдавленный смешок капитана.

– Заложники. Если хочешь стрясти за них побольше денег, нужно держать их в приличных условиях.

А если не ждешь звонкой монеты, можно позабавиться, порезав заложников на кусочки, так, что вся палуба станет красной, и скормив их акулам. Натан подумал, что лучше не объяснять, почему Мактирнана прозвали Красным. У мальчика было достаточно времени, чтобы понять, куда он попал.

Кабюта оказалась сносной, потолок был достаточно высок, чтобы Натан мог выпрямиться в полный рост. Здесь было два иллюминатора, две койки, небольшой чуланчик, в котором умещалось помятое ведро, и полка с жестяным тазом.

Клем оглядел каюту, и на лице его появилась скептическая гримаса.

– Держать наше жилье в чистоте – твоя забота, – сказал Натан. Похоже, мальчуган-то привередливый, хотя вряд ли дома у него обстановка богаче. – Пойдем поищем еду.

Натан повесил фонарь на крюк. Клем моргнул и отвернулся.

– Кто это тебе так лицо разукрасил?

– Дядя. – Голос Клема дрожал от гнева. Похоже, парень не такой тихоня, каким кажется.

– Держись поближе ко мне. Если ты не рядом со мной, сиди на палубе или здесь, в каюте. Не оставайся наедине ни с кем из команды, пока не узнаем их получше. Понял?

Клем неуверенно кивнул. Черт возьми, какой невинный младенец, все ему надо растолковывать.

– На корабле нет женщин. Кое для кого из команды это проблема, и ты можешь помочь им решить ее.

Клеменс уставилась на Натана, чувствуя, как кровь отливает от лица. Пираты считали ее мальчиком, и все равно они бы... О боже... они узнают, что она – женщина, и тогда...

– Вот, значит, что капитан имел в виду, когда сказал, что не собирается лишать тебя удовольствия, – прошептала Клеменс, с ужасом глядя на своего спасителя. – Он думает, что ты...

– Он ошибается, – коротко сказал Станье, и Клеменс облегченно вздохнула. – Мальчики меня не интересуют, так что ты здесь в безопасности, Клем.

Странно, но она совсем не чувствует себя в безопасности, подумала девушка. Каким бы ни был этот человек, нельзя забывать, что он добровольно согласился присоединиться к одной из самых грязных пиратских шаяк в Вест-Индии. Его спокойная уверенность на мгновение вызвала у Клеменс желание прижаться к нему, обнять его, но она понимала, что в ней говорит страх. Во время наводнения змеи, мыши, кошки – все стремятся уцепиться за плывущее бревно. Они так боятся утонуть, что даже забывают на время о своей извечной вражде.

– Хорошо, – кивнула Клеменс.

Она должна сосредоточиться. Очень важно, чтобы ее обман не раскрылся, ей нужна защита этого человека. И еще нужно постоянно быть начеку на случай, если представится возможность для побега.

– Ты голоден? Нет? А я да. Пойдем со мной.

Девушка последовала за Натаном, усилием воли подавив в себе желание уцепиться за его рукав. Ребенком она часто бывала на отцовских кораблях, стоявших в порту, бегала по трапам, высывалась из иллюминаторов, даже лазила по снастям. Пиратский корабль не отличался от

своих мирных собратьев. Клеменс поняла это, когда они с Натаном шли на запах мяса. Вот только команда состояла не из вышколенных матросов, а из отъявленных головорезов.

Камбуз обнаружился в средней части судна. На плите, сложенной из кирпичей, кипел огромный котел, в клубах ароматного пара суеился кок – в одной руке поварешка, за пояс заткнут огромный, как тесак, нож для разделки мяса.

– Хотите поесть – ждите до утра.

– Я – Натан Станье, штурман, и тебе придется найти еду для меня и моего слуги. Сейчас же.

Кок посмотрел на него и кивнул:

– Как скажете, сэр.

– Раз мы в порту, ты, я полагаю, сделал запасы. Мне нужно мясо, хлеб, масло, сыр, фрукты и эль. Как тебя зовут?

– Стрит, сэр.

– Пошевеливайся, Стрит. – Натан посмотрел на Клеменс. – Проснись, мальчик. Отыщи поднос и тарелки, да поживее.

Клеменс, пошатываясь, вошла в каюту с тяжело груженным подносом и принялась выставлять тарелки на стол. Еды тут, по ее мнению, хватило бы и на шестерых. Станье задумчиво смотрел в иллюминатор, пока Клеменс суеилась у стола, накладывала ему еду, наливала эль. Потом присела на небольшую койку.

Что он там разглядывает? Клеменс попыталась проследить за направлением его взгляда и решила, что он, должно быть, смотрит на руины Порт-Рояла, хотя что там можно увидеть в безлунную ночь...

– Ты почему не ешь? – Натан повернулся и, нахмурившись, посмотрел на Клеменс.

– Я уже ел... раньше.

– Так поешь еще, тебе это не помешает, а то смотреть страшно – кожа да кости.

Клеменс открыла рот.

– Это приказ. Иди сюда, садись и ешь.

– Это не флот его величества, чтобы командовать, – огрызнулась девушка, но сочла за благо послушаться.

– Верно подмечено. – Станье ухмыльнулся.

Впервые Клеменс увидела на его лице некоторое подобие улыбки. Блеснули белые зубы, у глаз появились морщинки, но взгляд оставался внимательным.

– А как насчет *сэр*?

– Извините, сэр. – Клеменс опустилась на трехногий стул и попыталась вспомнить, как ее друзья-мальчишки вели себя за столом. По большей части как стая саранчи. – У меня нет ножа, сэр. Извините.

– А носовой платок у тебя есть? – поинтересовался Станье и улыбнулся, когда Клеменс удивленно покачала головой.

На этот раз улыбка на его лице была искренней. Когда он улыбался, он выглядел как... Клеменс вздохнула и отвела глаза.

Нельзя так тарашиться на него. Слава богу, он уже стоял к ней спиной и рылся в сумках, сваленных в углу каюты. Наконец, он повернулся, держа в руках складной нож и носовой платок не первой свежести.

– Вот.

– Спасибо.

Клеменс заложила платок за воротник рубашки и раскрыла нож. Ей поневоле представилось, что они сидят за званым обедом, оба нарядно одеты и обмениваются любезностями. Потом выходят на террасу и там... Как это глупо. Она никогда ни с кем не флиртowała и даже желания такого не испытывала.

– Ты должен всегда держать этот нож при себе. Умеешь им пользоваться?

Станье подцепил толстый ломоть вареной баранины, положил его на хлеб и принялся сосредоточенно жевать.

– В смысле воткнуть его в человека? Э... нет. – Клеменс подумала о Льюисе. – Но наверное, я смог бы... если бы сильно испугался.

– Отлично, – сказал Станье и потянулся за элем. – Ешь давай.

– Сначала вы, сэр. Вы проголодались.

– Так и есть. Двое суток крошки во рту не было.

Станье отрезал кусок сыра и подвинул тарелку к девушке.

– Почему, сэр? – Клеменс отрезала себе немного сыра и поняла, что в желудке еще осталось пустое место.

– В карманах пусто, – откровенно признался Станье. – Если бы не Мактирнан, пришлось бы мне искать честную работу.

– Да... здесь честной работой не пахнет, – вырвалось у Клеменс.

– Неужели? – В мерцающем свете фонаря его синие глаза изучающе смотрели на девушку. – А ты скор на суждения, юный Клем.

– Пираты убили моего отца, захватили его корабль. – Клеменс опустила голову, стараясь выглядеть как можно более печальной. Это оказалось не так уж трудно.

– Понимаю... И тебе пришлось жить у дядюшки, который колотил тебя почем зря?

Натан наклонился вперед и взял ее за подбородок, разглядывая синяки.

– Слышал пословицу – из огня да в полымя?

– Да, сэр.

Клеменс с трудом подавила желание прижаться щекой к его теплой руке. Она устала, была напугана и хотела всего лишь, чтобы кто-нибудь обнял ее, сказал, что все будет хорошо. Но этот мужчина вряд ли смог бы утешить ее. Где-то в глубине души у Клеменс теплилась надежда, что в один прекрасный день она встретит человека, которому сможет доверять. Она так устала... больше чем просто устала – она измучена до предела. Клеменс почувствовала, что на глаза наворачиваются слезы. Ей не в ком было искать утешения, доверять она могла только себе.

Станье, кажется, наконец наелся.

– Я отнесу посуду.

– Нет. Ты не будешь шляться по кораблю ночью. По крайней мере, пока. – Натан взял у девушки поднос. – Посмотри в той сумке, там простыни.

Что за пират станет носить с собой чистое постельное белье, подумала Клеменс, склонившись над сумкой. Однако в ней действительно обнаружились чистые простыни, пусть даже заштопанные. Клеменс накрыла ими пухлые тюфяки, скатала одеяла и устроила из них подушки, еще пару простыней положила сверху – в качестве одеял. Потом она закрылась в тесной каюте, пропитавшейся не слишком приятными запахами. Если завтра ей нечего будет делать, нужно найти щетку и хорошенько отдраить этот закуток.

И все же, несмотря на всю свою неприглядность, каюта давала ей возможность уединиться, спрятаться. Клеменс не могла себе даже представить, как бы ей удалось выжить на корабле среди мужчин, не будь у нее этого пристанища. Она открыла иллюминатор и с наслаждением вдохнула свежий морской воздух. Умывание подождет, ей теперь хотелось только одного – спать. Еще ей хотелось проснуться утром и понять, что все это было только сном. Можно ли ей уже лечь спать, или Станье еще что-нибудь понадобится? Когда Натан вошел в каюту, Клеменс клевала носом.

– Слава богу, сегодня я не на вахте, – сказал он. – Ложись спать, Клем. – Натан взглянул на Клеменс. – Ни мыла, ни зубной щетки, ни чистых простыней. Может быть, завтра что-нибудь

найдем для тебя. Не представляю, как можно лечь спать, не приняв ванну или хотя бы не умывшись.

– Да, сэр, – сказала Клеменс и с тоской вспомнила свою глубокую ванну, душистое мыло, лепестки цветов, плавающие на поверхности воды. Подумала о мягкой чистой постели, пухлах подушках, улыбающейся служанке, что каждый вечер приносила ей белоснежную ночную рубашку из тонкого мягкого полотна.

Станье уселся на свою койку, стянул сюртук, снял пояс и принялся расстегивать пуговицы на рубашке. У Клеменс перехватило дух. Не собирается же он тут раздеться и... Натан встал, и девушка поспешила склониться над своими туфлями. Через несколько секунд она осмелилась поднять глаза. Натан все еще стоял посреди каюты. Как бы еще потянуть время... Пояс. Да, она может заняться поясом. Краем глаза Клеменс видела, как Натан снимает сапоги.

– Что ты там возишься, мальчик?

– Пряжка не расстегивается, – пробормотала Клеменс.

– Помочь?

– Нет! – поспешно воскликнула Клеменс.

Слава богу, Натан удалился в чуланчик. Как только дверь за ним закрылась, Клеменс скинула штаны, нырнула под одеяло и натянула его до самой шеи.

Скрипнула дверь. Натан вышел из чуланчика. Клеменс вцепилась в простыню и притворилась спящей, но через несколько секунд, снedaемая любопытством, чуть приоткрыла глаза. Натан стоял у своей койки совершенно обнаженный. Клеменс знала, что не должна подсматривать, но не могла заставить себя отвести глаза. Взгляд ее скользнул по широкой груди, длинным ногам, плоскому животу и уперся в недвусмысленное доказательство того, что она делила каюту с мужчиной. Разумеется, Клеменс была в курсе мужской физиологии – в детстве она часто плавала в заводях со своими приятелями-мальчишками. Правда, Натана нельзя было назвать подростком. *Слава богу, он не знает, что я женщина*, подумала Клеменс.

– Спишь, мальчик? – мягко спросил Натан.

Клеменс тут же зажмурилась, пробормотала что-то невнятное и отвернулась к стенке.

– Надеюсь, ты не храпишь.

Натан лег в постель, но сон не шел к нему. Это было очень некстати. Он должен был выспаться, чтобы завтра быть в форме. Кто знает, что выкинет Мактирнан. Поворочавшись в постели, Натан протянул руку и достал из сумки свою записную книжку в кожаном переплете. С койки у противоположной стены доносилось ровное дыхание. О чем он только думал, притащив этого мальчишку сюда? Ему бы о своей шкуре позаботиться.

Натан принялся изучать записи в книжке. Он вовсе не солгал Мактирнану, заявив, что является одним из лучших штурманов. Натан не склонен был недооценивать свой опыт и знания. Проблема была только в том, что с Карибами он прежде знаком не был. Правда, он провел здесь два месяца и в его книжке почти не осталось пустых страниц, этого было явно недостаточно. Уж очень коварными были эти острова с их узкими проливами и коралловыми рифами.

Внезапно мысли Натана потекли совсем в другом направлении. Он вдруг понял, почему не может заснуть. В его воображении возник образ покойной жены: темные глаза, черные как смоль волосы, соблазнительная фигура. Натан беспокойно зашевелился. К чему он вдруг вспомнил о Джульетте? Потом неожиданно в его памяти всплыла другая картина: тонкие, испачканные чернилами руки Клема. К своему ужасу, Натан ощутил нечто похожее на возбуждение. Ради всего святого! Если в этом причина его бессонницы, значит, он ничуть не лучше пиратов. Натан положил книжку под подушку, погасил фонарь и заснул.

Глава 3

– Просыпайся!

Клеменс открыла глаза. Где она? И вдруг память вернулась к ней. Осознание реальности было сродни удару. Девушка вцепилась в простыню.

Натан заправлял рубашку в брюки. Клеменс вспомнила прошлую ночь и почувствовала, как краска заливает ее лицо.

– Вставай, парень!

Ей придется вылезти из постели, отыскать свои штаны и пройти в чуланчик – и все это на глазах у Натана. Опустив рубашку как можно ниже, Клеменс выскользнула из постели, схватила брюки и поспешно нырнула в чуланчик.

– Ты слишком тощий, – заметил Натан.

– Мне пришлось нелегко после смерти отца, – сказала Клеменс через тонкую перегородку, пытаясь справиться с застежкой на поясе.

Вспомнив об отце, Клеменс вдруг в полной мере ощутила реальность. Пираты захватили «Герцогиню» и тем самым косвенно были виновны в смерти отца, а она теперь находилась у них в руках и вынуждена была делить каюту с пиратом. Она должна посмотреть в лицо реальности: Натан – пират. Она своими глазами видела, как он принял предложение Мактирнана, все равно что подписал с ним договор. Значит, он не лучше остальных на этом корабле и заслуживает такого же наказания. Клеменс вышла из чуланчика.

– Я сожалею о твоём отце. Кто напал на его корабль?

Клеменс пожала плечами, пятерней приглаживая волосы. Они так и не узнали, кто был виновником гибели «Герцогини». Единственный выживший был пригвожден к мачте и вряд ли рассказал бы что-нибудь, даже если бы пираты не вырезали ему язык.

– Может быть, это был Мактирнан, – сказала она.

– Надеюсь, что нет.

– Почему? Ты же один из них.

– Это верно.

Клеменс ожидала, что Натан рассердится, но он погрузился в задумчивость.

– Пираты бывают разные, – наконец сказал он.

– Убийства тоже бывают разной степени. Вы сами приняли решение присоединиться к этой шайке убийц, поэтому вы тоже – пират.

– Ты забываешься, парень. – Станье обошел вокруг стола и, протянув руку, взял Клеменс за подбородок.

– Можете сердиться сколько влезет. Хуже уже все равно не будет.

– О нет, будет, уж поверь мне, – возразил Станье и повернул ее лицо к свету. – Синяк болит?

– Только когда по нему бьют.

– Тогда, если хочешь этого избежать, принеси мне кофе и хлеба.

Неужели Натан это серьезно? Неужели он ударил бы ее, если бы Клеменс вдруг что-то сделала не так? Конечно, ударил бы. Ведь он считает ее мальчишкой, а мальчишек всегда бьют.

– Принеси еду на палубу. Скоро рассвет.

Натан взял со стола подзорную трубу, потом достал из кармана складной нож.

– Вот, возьми и помни про то, что я говорил.

Клеменс неуклюже поймала брошенный ей нож и увидела, как Натан нахмурился.

– Это из-за глаза, – попыталась оправдаться она, вспомнив, как приятели всегда говорили ей, что она ловит как девчонка. – Плохо вижу.

Натан вышел из каюты. Оставшись одна, Клеменс обессиленно опустилась на стул. *Нельзя раскисать*, твердила она себе, *ты должна вести себя как мальчишка*. Пристегнув нож к поясу, она вышла из каюты.

– Мистер Стрит? – спросила Клеменс, заглянув в камбуз. – Я пришел за кофе для мистера Станье. И еще он просил чего-нибудь поесть. Может быть, бекон?

– Это для капитана, – сказал кок, но голос его звучал дружелюбно.

– Но бекона много, а капитан сказал, что мистер Станье получит то, что хочет.

– Неужели? Налить тебе кофе, мальчуган?

– Пожалуйста, сэр.

Клеменс была уверена, что никто никогда не величал кока сэром, но решила, что это не повредит. Пока Стрит наливал кофе, девушка нарезала хлеб и положила на тарелку бекон.

– Смотри не урони, – сказал Стрит, глядя, как Клеменс, стиснув зубы, подняла тяжелый поднос. – Больше не получишь.

– Нет, сэр, спасибо, сэр.

По пути на верхнюю палубу не обошлось без приключений. Сначала Клеменс едва нашла туда дорогу, потом какой-то матрос протянул руку, собираясь схватить чашку кофе, и ей пришлось спастись бегством.

Выбравшись на верхнюю палубу, Клеменс увидела Станье. Он разговаривал с высоким мужчиной. Это был мистер Катлер, первый помощник капитана. Разложив на пустой бочке карту, они внимательно изучали ее. Когда Клеменс осторожно приблизилась к ним, Станье выпрямился.

– Я согласен, это самый лучший курс, если скорость для вас не важна.

– А вы что, знаете более короткий путь?

Станье показал что-то на карте.

– Опасный проход, риск слишком велик, – покачал головой Катлер.

– Никакого риска, если все сделать вовремя. – Станье принялся сворачивать карту. – Какая скорость вам нужна? Вы преследуете кого-то или просто осматриваетесь?

– «Принцессу» мы теперь вряд ли догоним, но, если вы отыскали новый проход, капитан будет рад увидеть его.

Услышав название отцовского корабля, Клеменс чуть не уронила поднос.

– Я так и подумал. От этого прохода рукой подать до вашего убежища у острова Ящерицы. Кроме того, «Принцесса» ведь могла и задержаться.

Ублюдок!

– Ваш кофе, мистер Станье, – Клеменс сунула кружку ему в руку, – и бекон с хлебом.

– Это все мне?

– Да, сэр.

– Возьми нож и отрежь себе половину.

– Смотрите не избалуйте мальчишку, – ухмыльнулся Катлер.

– Он слишком тощий, пока не поправится, от него мало толку. – Станье пожал плечами и повернулся к Клеменс: – Собери тут все, только смотри не урони инструменты.

Клеменс нашла укромный уголок на палубе и принялась за свой завтрак. Подумать только, Натан Станье только начал ей нравиться, и вдруг оказалось, что он не лучше этих головорезов. Клеменс яростно потрясла головой. Это будет ей хорошим уроком. Никому нельзя доверять. Никогда.

Несмотря на свои переживания, Клеменс не утратила способности наслаждаться едой. Она с удовольствием съела еще теплый сочный бекон, выпила кофе и без тени сомнения вытерла грязные руки о штаны. Они уже пестрели разнообразными пятнами – чернила, кофе, жир, но переодеться ей все равно было не во что.

Стрит встретил ее приветливо и даже предложил решить вопрос со сменной одеждой. Он указал на человека, что сидел скрестив ноги на куче свернутых гамаков.

– Эй, Джерритти! Этому мальчику нужны штаны.

Джерритти шил паруса и в свободное время исполнял обязанности портного.

– Посмотри в том сундуке, – сказал он Клеменс, – может, что подойдет.

Она распахнула сундук. Ничего не скажешь, богатая коллекция... В одной куче было перемешано и рваньё, и предметы одежды, которые можно было назвать щегольскими. У Клеменс появилось подозрение, что все это снято с людей, захваченных в плен пиратами. Отогнав неприятные мысли, она покопалась в сундуке и нашла себе пару брюк, рубашку и куртку.

– Можно я возьму вот это?

– Ага. Что, этот новый штурман действительно так хорош, как говорят?

Клеменс пожала плечами:

– Не знаю. Он меня только вчера нанял.

Ирландец фыркнул.

– Где я могу найти ведро и щетку? – поинтересовалась Клеменс.

Вернувшись в каюту, она принялась за уборку. Она застелила кровати, распаковала сумки Натана и осторожно выложила на стол инструменты. Они были блестящими и, судя по всему, стоили немало. Может быть, Натан покажет ей, как они работают.

День был солнечный, ветерок едва надувал паруса, корабль медленно рассекал изумрудно-голубую, искрящуюся на солнце воду. Катлер и капитан Мактирнан беседовали на верхней палубе, когда их разговор был прерван взрывом хохота.

– Что там происходит? – Катлер вытянул шею, пытаясь понять, почему так веселятся матросы, столпившиеся у одного борта. Они смотрели вниз.

– Я посмотрю, – сказал Натан, – все равно нужно сходить за секстаном.

Он приблизился к веселящимся матросам. Они явно смеялись над кем-то, но смех был незлым.

Дьявол.

– Клем, какого черта ты делаешь?

Мальчик перегнулся через поручень, в руках он сжимал веревку. Штаны его потемнели от грязи, на голове был повязан пестрый платок, лицо перепачкано. Но фигурка у него была изящной, ступни маленькими, а кожа на шее казалась удивительно нежной.

– Клем! – рявкнул Натан.

– Простите, сэр.

Мальчик рванул за веревку, и на палубу вылетело ведро, окатив всех присутствующих водой.

– Ведро, сэр. Так его проще вымыть.

– Посмотри на себя! Мне не нужен слуга, который выглядит как свинья.

– Я сейчас переоденусь, сэр.

– Иди, – сказал Натан, и, только когда мальчик исчез с палубы, он вдруг вспомнил, что переодеться ему не во что.

Когда через полчаса Натан спустился вниз, он обнаружил, что каюта чисто убрана. Бритвенные принадлежности Натана были аккуратно разложены возле умывальника, полотенце висело на гвоздике. Клем сидел за столом и методично рвал газетные листы.

– Это для галюна, – пояснил он.

– Боже мой... – Натан окинул взглядом каюту, которая теперь сделала бы честь самому капитану. – Из тебя бы вышла отличная жена, Клем.

Мальчик отчаянно покраснел, на лице появилось выражение ужаса.

– Черт, прости, я не хотел... просто решил тебя подразнить.

– Не люблю убираться, – пробормотал Клем, – просто раз уж я тут живу...

– И ты не привык это делать, не так ли? Ты из приличной семьи и получил образование.

– Я... да, я ходил в школу в Спаништауне. Мой отец был торговцем, правда, не очень богатым. После смерти отца дядя, прикрываясь своим опекунством, забрал у меня все. Я сбежал из дома и нанялся на «Принцессу». Только они отплыли раньше.

– Может, стоило поговорить с губернатором?

– С губернатором? Да вы понятия не имеете, что значит быть... – Спohватившись, что чуть было проговорилаcь, Клеменс умолкла.

– Быть кем, Клем?

Натан смотрел на нее, как ястреб, и Клеменс опустила голову так, чтобы пряди волос скрывали лицо.

– Сыном мелкого торговца, сэр.

– Я думаю, что здесь ты можешь не называть меня сэром. Меня зовут Натан.

Клеменс кивнула.

– Отлично. Теперь я все про тебя знаю, а что ты думаешь обо мне?

– Я думаю, что вы – джентльмен, и знаю, что вы раньше служили на флоте, если то, что сказал вчера Мактирнан, правда. Вы привыкли отдавать приказы, у вас хорошая одежда, пусть и поношенная, дорогие инструменты.

Натан кивнул:

– Ты прав, Клем. Да, я младший сын джентльмена и служил на флоте.

– И что же случилось? – Клеменс была заинтригована.

– Мне позволили выйти в отставку, скажем так.

– О... – Клеменс чувствовала, что поступает нетактично, задавая вопросы, но не могла удержаться. – И почему?

– Дуэль.

– Дуэль?? Я думала, морским офицерам запрещено драться на дуэли.

– Вот именно. – Губы Натана искривила горькая улыбка.

– Вы убили его?

Натан отрицательно помотал головой, и Клеменс почувствовала невольное облегчение.

– Нет.

– Тогда что случилось?

– Можешь себе представить, как это отразилось на моей семье. Чтобы не усугублять ситуацию, я предпочел исчезнуть. Искал работу, то легальную, то не очень, в конце концов оказался в Кингстоне без гроша в кармане.

– Зачем вы мне все это рассказываете?

Инстинкт подсказывал Клеменс, что Натан гордый и замкнутый человек, странно, что он так разоткровенничался.

– Говорят, что у мужчины не может быть секретов от его слуги. Кроме того, ты всегда можешь узнать самое худшее обо мне со стороны.

– Я уже знаю самое худшее, – резко сказала Клеменс. – Вы взяли у Мактирнана деньги и стали пиратом. Ничего хуже быть не может.

Глава 4

Натан резко обернулся. – Ты начинаешь дерзить, – сказал он неожиданно мягко. – Да, есть кое-что и похуже. Предательство, например. Но ты прав, хуже чем эта команда быть не может, и мы с тобой теперь ее часть.

– Я, в отличие от вас, не доброволец, – заметила Клеменс.

– Нет, но я не для того спасал твою неблагодарную шкуру от этой своры шакалов, чтобы выслушивать нотации. Так что держи рот на замке, иначе я устрою тебе взбучку.

Клеменс затихла. Пусть думает, что она испугалась. Лучше уж так, чем позволить ему прикоснуться к себе.

– Пойду принесу обед. – Она нашла благовидный предлог, чтобы покинуть каюту.

– Я обедаю с капитаном и Катлером.

– Они скажут вам, куда мы направляемся?

Если бы выяснилось, что «Морской скорпион» собирается пристать к берегу, у Клеменс появилась бы возможность сбежать.

– Мы отправляемся на охоту, – сказал Натан, – и не к гавани, если ты на это надеешься. Я собираюсь показать Мактирнану короткий путь. Но довольно вопросов. Иди и пообедай.

Клеменс улыбнулась и тут же поморщилась.

– Что такое? У тебя морская болезнь, что ли?

– Синяк болит. А морской болезни у меня сроду не бывало. Отец часто брал меня на корабль.

Когда Натан ушел, девушка подошла к зеркалу. Да, синяк был жутким, он переливался черным, синим и алым. Волосы растрепались. Выглядела она ужасно, но, может, это и к лучшему – прекрасная маскировка. Клеменс порылась в кармане, достала шейный платок и повязала его на голову. Интересно, что сказала бы тетюшка Амелия, герцогиня Эллингтонская, увидев свою родственницу в таком виде. Наверное, она уже получила письмо, извещавшее ее о смерти отца Клеменс и о слабом здоровье девушки.

Тут Клеменс не место, ее место – в роскошной каюте большого корабля, ее удел – флирт с офицерами, а единственное, о чем ей стоило бы волноваться, так это о количестве платьев в ее сундуке. Впрочем, что толку сожалеть о несбывшемся. У Клеменс давно подвело желудок. Поэтому она поспешно отправилась на поиски еды.

– Мистер Стрит, я пришел за своим обедом.

Кок молча махнул рукой в сторону котла с тушеным мясом. Видимо, он был не в духе, но Клеменс решила рискнуть:

– На борту есть пленники?

– Не твое дело, парень. – Стрит резко повернулся. – Держись подальше от того, что тебя не касается, если не хочешь огрести неприятности. И не ходи больше на нижнюю палубу.

– Да, мистер Стрит.

Нижняя палуба? Почему он сказал про нижнюю палубу? Эта палуба находилась ниже ватерлинии, там не было кают, один только мрак, сырость и крысы.

Тушеное мясо оказалось вкуснее, чем думала Клеменс, но ее мысли были заняты вовсе не едой. Что, если на корабле и правда были пленники? Если капитан рассчитывал получить за них выкуп, за ними должны были хоть как-то ухаживать. А вдруг среди них матросы с «Герцогини»? Где-то внизу, в абсолютном мраке могли быть заперты люди с корабля, затонувшего полгода назад, и она, Клеменс, отвечает за них.

– Потом ляжем на курс, который вы предлагаете, через пролив, мистер Станье. Снимаемся с якоря на рассвете.

Это был капитан Мактирнан, а рядом с ним Натан и Катлер. Инстинкт подсказывал Клеменс, что нужно спрятаться, а здравый смысл говорил, что это бесполезно. Мактирнан увидел ее. И наверняка решил, что мальчишка шпионит за ним. С беспечным видом, который стоил ей больших усилий, Клеменс доела мясо, опустошила кружку с кофе. Мактирнан подошел ближе и остановился. Двое мужчин стояли чуть позади. Клеменс оглянулась, пытаясь выглядеть как можно более жалкой. Катлер оценивающе смотрел на нее, и девушка вдруг поняла, как должен себя чувствовать ягненок на бойне. Мактирнан моргнул и отвернулся. Клеменс вздохнула с облегчением, но тут послышался шум, будто падало что-то, на ее голову обрушился страшный удар, и она рухнула на палубу, потеряв сознание.

Прошли минуты или часы. Голова раскалывалась. Клеменс увидела капитана, который с отсутствующим видом смотрел на паруса. Потом кто-то склонился над ней. Натан.

– Лежи спокойно. – Он положил руку ей на плечо, и Клеменс закрыла глаза.

– Не помер?

Катлер. Голова закружилась, и Клеменс начала впадать в забытие.

– Нет, просто оглушен. Отнесу его вниз.

– Выпорите ублюдка.

Это был Мактирнан. *Но я ничего не сделала*, хотела крикнуть Клеменс. *Я ни в чем не виновата!*

Натан поднял Клеменс на руки. В ее памяти вдруг всплыла картина: огромная деревянная балка падает прямо на нее.

– Он хочет высечь кого-то потому, что на меня упала балка?

– Нет, потому что она чуть было не упала на него, – ответил Натан.

– Все вверх! – проревел Катлер, заставив Клеменс вздрогнуть.

– Снесу парня вниз, нужно проверить, что у него с головой, – сказал Натан капитану.

Когда Клеменс в следующий раз открыла глаза, она уже лежала на своей койке. Натан стоял на коленях рядом и осматривал ее голову.

– Череп не пробит, но шишка здоровая.

Закрыв глаза, Клеменс прислонилась щекой к его груди. Она могла бы пролежать так часы, дни. Только здесь, рядом с ним она чувствовала себя в безопасности.

– Клем? – спросил Натан, и голос его звучал озадаченно. – Какого черта ты перебинтовал себе грудь?

– Ребра сломаны, – поспешно ответила Клеменс, задохнувшись от испуга.

Добро пожаловать в реальный мир!

– Когда дядя стукнул меня, я... ударился об стол.

– Ерунда. Если бы у тебя были сломаны ребра, ты бы заорал благим матом, когда я поднял тебя.

Клеменс закрыла глаза, словно пытаясь спрятаться.

– Клем, подними рубашку.

– Нет.

Она открыла глаза и встретила взгляд Натана.

– Почему?

Выхода не было, ложь не поможет.

– Потому что я женщина.

– Слава богу, – сказал Натан через несколько минут томительного молчания.

– Что? Что ты имеешь в виду?

Клеменс уставилась на Натана. На его лице читалось явное облегчение, отчего он казался лет на пять моложе.

– Потому что тело мне упорно твердило, что где-то рядом женщина, – признался он, смущенно ероша волосы, – я все пялился на тебя, сам не зная почему. Я уж начал подозревать себя в склонности к мальчикам. Как тебя зовут?

– Клеменс. Может быть, для тебя это было облегчением узнать, что я женщина, а я теперь знаю, что делю каюту с мужчиной, который очень интересуется моим телом. Спасибо, я могла обойтись и без этой информации.

– Значит, ты считаешь, что я куда охотнее изнасилую Клеменс, чем Клема, так по-твоему? Кажется, он рассердился, подумала Клеменс.

– Нет, я так не думаю. Мой кузен собирался заставить меня спать с ним каждую ночь, чтобы сделать мне ребенка и вынудить к браку. Я совсем не знаю тебя, но мне кажется, ты никогда бы так не поступил.

– Бог мой, – вздохнул Натан, опускаясь на стул, – неудивительно, что ты решила удрать из дома. Кто тебя ударил?

– Дядя. А что?

– Так, взял на заметку, – мрачно ответил Натан.

– Ты никому обо мне не расскажешь?

– Черт, нет, конечно! Если тебе угрожала опасность, когда ты была мальчиком, то стоит им узнать, что ты женщина и... Сколько тебе лет?

– Девятнадцать. Через два месяца исполнится двадцать.

– Так... Это уже хуже...

– Почему?

– Почему? Я думал, тебе не больше четырнадцати, что ты еще ребенок. Теперь я знаю, что нет... – Натан нахмурился.

– Что это за шум? Как будто свинью режут.

– Человек кричит. – Натан встал и закрыл иллюминаторы. – Постарайся не думать об этом.

– Это тот... тот человек, что уронил балку?

Клеменс почувствовала, что по ее щекам текут слезы.

– Перестань плакать, ты ничем ему не можешь.

– Но они убивают его! Ты можешь что-нибудь сделать?

– Нет.

Клеменс зарылась лицом в подушку.

– Клем. Клеменс...

Она помотала головой.

– Ну же. Иди сюда. – Присев на койку, Натан осторожно приподнял ее и прижал к себе.

Теперь она слышала только стук его сердца и его дыхание. Ни один мужчина раньше не обнимал Клеменс, кроме отца. У него были поистине медвежьи объятия.

– Ты такой тощий, Клем.

– Я всегда была худой. Когда отец умер, я почти перестала есть, а потом, когда поняла, что собой представляет дядя Джошуа, вообще потеряла аппетит. В ту ночь, когда я сбежала, они заставили меня поесть. Видимо, кузену Льюису не хотелось ложиться в постель с такой худышкой. Он сказал, что я похожа на мальчишку. Это навело меня на мысль о переодевании.

– Как ты выбралась из дома?

– По плюшу. Потом украла лошадь. Перед тем как сбежать, бросила платье в море. Они думают, что я мертва. По крайней мере, я на это надеюсь.

– Что ты собиралась делать потом?

– Уплыть на другой остров, найти там работу.

Как бы хорошо Натан к ней ни относился, Клеменс порадовалась, что он не знает ее фамилию. Иначе кто знает... Он мог счесть ее неплохой заложницей.

– Чего бы тебе сейчас хотелось? – поинтересовался Натан.

– Принять ванну.

Он вздохнул:

– Да... я сейчас это организую, правда, вода будет холодной.

Клеменс кивнула, даже не вслушиваясь в его слова. Теперь он знал, что она – женщина...

– Натан... – Клеменс коснулась его руки, не зная еще, о чем хочет спросить.

Склонившись к ней, Натан прильнул губами к ее губам.

Глава 5

Как же он сразу не понял, что Клем – женщина? Инстинкт подсказывал Натану, что здесь что-то не так, а за свою жизнь он научился прислушиваться к инстинктам. Видимо, он слишком сосредоточился на том, чтобы попасть в команду «Морского скорпиона» и не угодить на тот свет. Желание выжить заглушило голос инстинкта.

Натан все еще сжимал Клеменс в объятиях, так нежно лаская ее губы своими губами, словно она была сделана из фарфора. О да, это не девочка, а женщина, пусть юная и невинная.

Давно уже он не испытывал таких чувств к женщине. Если быть точным – семь лет. *Но это было в другой стране, да и та женщина уже умерла.* Натан тряхнул головой. Сейчас не время вспоминать о той драматической истории, в которую он ввязался после скандального происшествия на Менорке.

Клеменс преображалась в его объятиях, мальчишеские жесты сменились томными и женственными. Кодекс чести, в котором он был воспитан, морская дисциплина, которая сформировала его личность, – это помогло Натану удержаться от соблазна овладеть девушкой здесь и сейчас, но ничто не могло помешать ему целовать ее. Держа Клеменс в объятиях, он вдыхал едва уловимый аромат ее кожи.

Если бы он попытался овладеть ею теперь, возможно, ему это и удалось бы. Не оттого, что Клеменс была легкодоступной, а потому, что она была напугана и Натан стал для нее олицетворением безопасности. Натан чувствовал, что девушка едва сдерживает слезы, и мог только восхищаться тем, как храбро она держалась. Одного этого было достаточно, чтобы обуздать его порыв, понял Натан, лаская языком ее губы. Клеменс судорожно вздохнула и крепче прижалась к Натану.

Слишком быстро. *Она такая хрупкая,* думал Натан, проводя пальцем по нежной коже ее щеки. Клеменс была высока ростом, но изящно сложена, а высокие скулы и заостренный подбородок говорили о хрупкости и утонченности. Натан даже представить себе не мог, какая смелость ей потребовалась, чтобы совершить побег из родного дома и находиться здесь, на этом корабле, который казался порождением ада.

– Думаю, холодная ванна будет сейчас в самый раз, – хрипло сказал Натан.

– Я... – Клеменс открыла глаза и посмотрела на него. – Что случилось?

– Я тебя поцеловал.

– Я знаю. – Она бросила на него удивленный взгляд, в котором сквозила нотка раздражения. – Я спрашиваю, почему ты остановился?

– И начинать не следовало. Я не соблазняю девственниц, Клем.

Хотя одна из них соблазнила меня. А теперь Натан открыл ящик Пандоры, и от этого не приходится ждать ничего хорошего. Ему даже не требовалось напрягать воображение, чтобы представить, каково это – чувствовать ее в своих объятиях, он знал. Натан уселся в дальнем углу стола. Незачем ей видеть, в какое возбуждение его привел этот невинный поцелуй.

– Благодарю, – вежливо сказала Клеменс, улыбаясь через силу. – Но не стоит брать всю вину на себя. Мне понравилось. Меня давно никто не обнимал.

О боже! Ничего он не желал сейчас так страстно, как обнять ее. И целовать ее. Сорвать с нее эту мальчишескую одежду и прижаться губами к нежной коже. И опустить ее на эту узкую койку, и...

– Я должен подняться на палубу. Велю принести сюда воду. Скажу, чтобы вели себя потише, потому что ты еще не оправился от удара по голове.

Натан глядел на Клем, борясь с желанием схватить ее в охапку, посадить в лодку и увезти отсюда подальше. Но это было невозможно. Он должен кое-что сделать, и ни одна девушка не сможет ему помешать.

Клеменс. Натан мысленно произнес ее имя, словно пробуя его на вкус. Что-то фруктовое и сочное. Девушка кивнула. Она явно думала о чем-то, но Натан не знал о чем. Вынужденная жить под одной крышей со своим дядюшкой, Клеменс прекрасно научилась скрывать свои мысли.

– Я лягу в постель, накроюсь простыней и притворюсь спящей. Когда они уйдут, прежде чем помыться, закрою дверь на задвижку.

Ну вот... Воображение Натана услужливо нарисовало ему Клем: вот она медленно снимает рубашку, от струи холодной воды по ее телу пробегает дрожь, соски напряжены... Картина была такой яркой, что Натан вынужден был сделать глубокий вздох, чтобы успокоиться. Клем скользнула взглядом по его телу, глаза ее вдруг расширились.

– Отличная мысль. Когда вернусь, постучу.

Несколько минут Клеменс сидела уставившись на дверь. Она не только делила каюту с мужчиной, которого желала и который знал о том, что она – женщина, но этот мужчина и сам желал ее.

Клеменс знала, что значит заниматься любовью, но только теоретически. Никогда прежде она не имела возможности наблюдать... э-э... сам механизм. Что бы она делала, если бы Натан не удовлетворился поцелуями? Протестовала? Уступила? Вероятнее всего, последнее. Нет, хуже, она бы провоцировала его.

Чувство стыда, смущение, возбуждение – все эти эмоции очень некстати, если тебя только что ударили по голове. Клеменс юркнула под простыню, натянула ее на голову и закрыла глаза. Если она заснет, может быть, удастся убедить себя в том, что все это было только сном.

Звук голосов за дверью вырвал ее из дремоты. Дверь заскрипела, послышался глухой звук, и дверь снова захлопнулась. Клеменс осторожно села. На полу стояла бочка, достаточно большая, чтобы вместить одного человека. Рядом с бочкой она заметила два ведра с водой и кувшин.

Выскользнув из кровати, Клеменс заперла дверь на задвижку, потом окунула палец в емкости с водой. Вода в ведрах была соленой, морской, а в кувшине – пресной. Хватит, чтобы вымыть голову и умыться. Порывшись в сумке Натана, Клеменс обнаружила кусок зеленого мыла, принялась. Оливковое масло. На куске мыла была надпись: «Savon de Marseilles». Там же Клеменс нашла большую мягкую губку. Французское мыло и губка? Натан недавно был в Средиземноморье? Да, он о многом умолчал.

Клеменс разделась, сняла с груди повязку и с наслаждением помассировала грудь. Руки Натана прикасались к ее телу здесь и здесь... и вот здесь.

Она вошла в бочку и поежилась, когда холодная вода коснулась нежной кожи живота. Страх, гнездившийся в глубине души последнее время, наконец покинул ее. Клеменс принялась намыливать губку.

Натан постучал в дверь. Интересно, что делает Клеменс? Воображение, подстегиваемое месяцами вынужденного воздержания, тут же заработало. Натану показалось, что он уже очень давно покинул Англию, расстался с любовницей. Теперь его занимала только Клеменс. Натан представил тонкую обнаженную фигурку под искрящейся струей воды. Дверь вдруг распахнулась, и он увидел Клем, с влажными волосами, умытым, сияющим лицом. От нее исходил тонкий аромат мыла с оливковым маслом.

В чистой одежде она выглядела совсем как мальчик, пока не поймала на себе взгляд Натана. Щеки ее порозовели. По телу Натана прошла жаркая волна, на мгновение он стиснул зубы.

– Лучше?

– Да, гораздо лучше, спасибо. В твоей сумке я нашла толченую березовую кору, так что голова теперь почти не болит, а уж ощущения после мытья даже описать не могу. – Клеменс

улыбнулась. – Грязь – это так ужасно. Не знаю, почему так трудно заставить мальчишек умываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.